

Коновалова О. А.

ПРОБЛЕМА БИНАРНЫХ ОППОЗИЦИЙ В ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/1-2/32.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (20): в 2-х ч. Ч. II. С. 93-95. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

бытия наказания является стремление создать женщине и ее ребенку максимально благоприятные условия для жизни. Это, безусловно, справедливо и гуманно, но данная отсрочка применяется не ко всем беременным женщинам и не ко всем женщинам имеющим детей. Применительно к некоторым женщинам цели наказания недостижимы в процессе отсрочки исполнения наказания. Вопрос о предоставлении отсрочки или об отказе в ней решается судом с учетом характера и тяжести причиненного вреда и главное личности осужденной, ее желания и возможности иметь ребенка и заниматься его воспитанием.

Очевидно, что отсрочка исполнения наказания неприемлема к женщинам, лишенным родительских прав. Рассматриваемая отсрочка не может применяться к женщинам, злостно нарушающим порядок и условия отбытия наказания к женщинам, страдающим алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией или иными тяжкими заболеваниями (например, сифилис, туберкулез и т.д.), вплоть до излечения от них.

Если беременность или рождение ребенка наступили во время отбытия женщиной наказания, то администрация исправительного учреждения в соответствии со статьей 177 УИК РФ, направляет в суд представление об отсрочке дальнейшего отбывания наказания. Одновременно в суд направляют личное дело и характеристика осужденной, медицинское заключение о беременности либо документы, подтверждающие рождение ребенка, справка о согласии родственников принять ее и ребенка, предоставить им жилье и создать необходимые условия для проживания или справку о наличии у нее жилья и необходимых условий для проживания с ребенком. При предоставлении отсрочки женщине, уже отбывающей наказание следует предусмотреть дополнительные условия: наличие реальной возможности содержать себя и ребенка; законопослушное поведение в местах лишения свободы; хорошее отношение к ребенку и активное желание самой воспитывать его; наличие личного ходатайства женщины о предоставлении отсрочки отбывания наказания.

Получив определение суда о применении отсрочки к осужденной, администрация исправительного учреждения берет у нее подписку о явке по прибытии в трехдневный срок в уголовно-исполнительную инспекцию и отправляет ее за счет государства к месту жительства.

В соответствии с законом за поведением осужденной, которой предоставлена отсрочка, осуществляется контроль. Если женщина отказалась от ребенка или уклоняется от его воспитания и исполнения материнских обязанностей, а так же злоупотребляет спиртными напитками, употребляет наркотики или токсические вещества или грубо, систематически нарушает общественный порядок, после письменного предупреждения, объявленного уголовно-исполнительной инспекцией, суд по представлению инспекции, в праве отменить предоставленную отсрочку и направить осужденную для наказания в место, назначенное в соответствии с приговором суда (ч. 2 ст. 82 УК РФ). В этом случае суд действует в интересах ребенка и защищая его. Осужденная не оправдала оказанного ей доверия, что предопределяет отмену отсрочки исполнения наказания.

Если женщина, которой предоставлена отсрочка отбытия наказания в связи с беременностью или рождением ребенка, совершает новое преступление в период отсрочки, то наказание ей назначается по совокупности приговоров. При этом к наказанию за новое преступление полностью или частично присоединяется часть наказания, назначенного по первому приговору, отбывание которого было отсрочено в связи с беременностью и женщинам, имеющим малолетних детей.

Суд может освободить осужденную от отбытия наказания или от оставшейся части наказания. Это оптимальные варианты, предопределенные надлежащим поведением женщины в процессе отсрочки. В подобных случаях женщина, к которой применялась отсрочка исполнения наказания, в соответствии с ч. 2 ст. 86 УК РФ не считается судимой.

Актуальность данной проблемы, предопределяет необходимость обращения к изучению института отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, требует выработки новых предложений по совершенствованию уголовного законодательства и судебной практики.

И только комплексный подход к изучению и эффективному применению отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, способствует предупреждению женской преступности посредством реализации данного института.

ПРОБЛЕМА БИНАРНЫХ ОППОЗИЦИЙ В ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНА

Коновалова О. А.

Кузбасский государственный технический университет, г. Кемерово

Критика идеи бинарных оппозиций, столь характерной для эпохи модерна, стала одним из ключевых моментов постмодернистской философии. С точки зрения постмодернизма классический тип рациональности в принципе базируется на дуальных семантико-структурных оппозициях, в рамках которых имеет место не столько мирное существование, сколько насильственная иерархия, ибо один из терминов оппозиции как бы ведет другой или же имеет над ним превосходство.

Проблема бинарных оппозиций интересовала многих постмодернистов. В частности, это нашло отражение в теории соблазна Ж. Бодрийяра. В поле внимания Бодрийяра находилось противопоставление знака и реальности, означаемого и означающего, простой видимости и скрытого смысла. Однако для него подобные

противопоставления лишены смысла и всяческих оснований. В философии Бодрийяра «любой построенных на таких оппозициях дискурс... в любой момент может быть «абсорбирован» собственными знаками и лишиться всякого смысла: знакам достаточно лишь повернуться обратной стороной, и они выскальзывают из тисков оппозиции, тем самым ее упраздняя. Ведь оборотная сторона знака – вовсе не скрытый смысл лицевой стороны: кому придет в голову утверждать, что «орел» – это смысл «решки», или наоборот? А именно на этом абсурдном подчинении одной стороны знака другой (означаемого означающему или наоборот) держится принцип репрезентации и все, что он обосновывает: от «реалистического» искусства до политического представительства» [Гараджа 1994: 55-56]. Бодрийяр выступал за изменение отношений между различными знаками, обозначая тип новых отношений как соблазн, обольщение. «Возможно, – пишет Бодрийяр, – призвание знаков не только в том, чтобы включаться в те или иные упорядоченные оппозиции в целях обозначения – таково их современное *назначение*. Но их *предназначение*, их судьба, возможно, совсем в ином – в том, быть может, чтобы обольщать друг друга и тем самым обольщать нас» [Бодрийяр 2000: 184]. Сегодня, по мнению Бодрийяра, мы как раз и наблюдаем «медленную эрозию всех полярных структур разом, окружающую нас вселенной, у которой все шансы вот-вот утратить последний рельеф смысла» [Бодрийяр 2000: 185].

Номадология Ж. Делёза в широком понимании может быть охарактеризована как фундаментальная для постмодернизма установка на отказ от характерных для классической метафизики презумпций, в т.ч. – выделения фундаментальных оппозиций. В противоположность метафизической традиции номадология задает новое видение мира, опирающееся на радикально альтернативные презумпции – в т.ч. утверждает снятие самой возможности выделения оппозиций.

Деконструкция Ж. Деррида также направлена на критику основополагающих концептов традиционной философии, в т.ч. – логоцентризма (который, по мнению Деррида, задал парадигму всей западной метафизики) и бинаризма.

Определение деконструкции, попытки дать более или менее однозначную ее дефиницию представляют собой некоторые трудности. Дж. Сёрль в рецензии на книгу Дж. Куллера отмечает: «Я думаю, что если бы вы попросили какого-нибудь практикующего деконструкциониста дать определение, то большинство из них не только не смогли бы его дать, но и сочли бы саму просьбу проявлением того самого «логоцентризма», деконструировать который является одной из целей деконструкции. Под «логоцентризмом» они понимают приблизительно ту озабоченность истиной, рациональностью, логикой и «словом», которая знаменательна для философской традиции Запада» [Сёрль 1992: 58].

Сам Деррида высказал некоторые свои соображения относительно слова «деконструкция» в «Письме японскому другу». Прежде всего, Деррида отмечает, что «вопрос деконструкции от начала до конца есть также Вопрос перевода и языка понятий, понятийного корпуса так называемой «западной» метафизики» [Деррида 1992: 53].

Само это слово, его ресурсы и употребление представляют некоторые трудности. Слово «деконструкция» – латинский перевод греческого слова «анализ» – имеет во французском языке несколько значений, в том числе «приведенные в беспорядок конструкции слов в предложении», «разбивать целое на части».

Примером «машинного» значения деконструкции являются действия по деконструкции строения или машины: например, «деконструировать машину, чтобы транспортировать ее в другое место». В грамматике деконструкция означает смещение, которому подвергаются слова, из которых состоит предложение, написанное на иностранном языке. Это не только позволяет наилучшим образом ухватить смысл данного предложения, но иногда является и единственным способом адекватного перевода. Адекватный перевод всякого предложения априори предполагает некоторое «насилие» над словами, меняет их порядок.

Грамматические, лингвистические, риторические значения «деконструкции» привлекли внимание мыслителя тем, что позволяли «приспособить» данное понятие к тому, что сам Деррида «хотел высказать хотя бы намеком». Вместе с тем Деррида пишет: «Если все эти... значения интересовали меня, своей близостью к тому, что я «хотел-сказать», они всё же затрагивали – метафорически, если угодно, – лишь некие модели или области смысла, а не тотальности всего того, что может подразумевать деконструкция в своем наиболее радикальном устремлении» [Деррида 1992: 54].

В понимании Деррида деконструкция представляет собой нечто столь неуловимое, что все попытки дать ее дефиницию представляются изначально невозможными, бессмысленными. В том же «Письме» Деррида особенно рельефно подчеркивает эту неуловимость и в то же время – многогранность: «Всякое предложение типа «деконструкция есть X» или «деконструкция не есть X» априори не обладает правильностью, скажем – оно по меньшей мере ложно. Вы знаете, что одной из главных целей того, что зовется в текстах «деконструкцией», как раз и является делимитация онтологии, и в первую очередь – этого третьего лица настоящего времени изыскательного наклонения: *S est P*» [Деррида 1992: 56].

Иными словами, все трудности определения или же перевода понятия «деконструкция» основываются на том, что «все предикаты, все определяющие понятия, все лексические значения и даже синтаксические артикуляции, которые в какой-то момент кажутся готовыми к этому определению... также деконструированы или деконструируемы – прямо или косвенно» [Деррида 1992: 56].

Невозможность определения того, чем же всё-таки является деконструкция, частично может быть восполнена попытками определить, чем деконструкция не является. Сам Деррида подчеркивал, что «деконструкция не есть ни *анализ*, ни *критика*... Деконструкция не является каким-то методом, и не может быть

трансформирована в метод» [Деррида 1992: 55].

Тем не менее, одно из существующих узких значений деконструкции связано именно с представлениями о ней как о методе - методе парадоксального прочтения текста (всего, что может быть рассмотрено в качестве текста). Также под деконструкцией понимается техника интеллектуальной работы с бинарными конструкциями, разбор оппозиций. В целом деконструкцию можно определить (хотя бы при первом приближении) как набор методов, техник, стратегий, направленных преимущественно на подрыв логоцентристских тенденций.

Одной из деконструктивистских стратегий является определение любых бинарных оппозиций, традиционных для интеллектуальной истории Запада. С точки зрения деконструкции в таких оппозициях первому (левому) понятию иерархически сообщается статус превосходства над правым, что и составляет «самую суть логоцентризма с его всепоглощающим интересом к рациональности, логике и поиску истины» [Сёрль 1992: 59]. Деконструкция как раз и направлена на то, чтобы подорвать эти оппозиции (а, значит, и логоцентризм), обратив иерархию. Упразднение иерархии, в частности, происходит за счет того, что правый термин оппозиции наделяется статусом первичности и рассматривается как условие возможности левого. В результате имеет место демонстрация того, что так называемый осмысленный язык представляет собой не более чем свободную игру.

Обратимость терминов оппозиций может быть проиллюстрирована следующим примером. Ощущение боли заставляет человека искать причину данного ощущения, в качестве которой может выступать, например, иголка или заноза. В рамках представлений о причинно-следственных связях человек выстраивает цепочку «заноза – боль», в которой заноза (как причина) наделяется иерархическим превосходством над болью (как следствием). Вместе с тем, можно утверждать, что если бы не боль, человек не задумался бы над причиной этой боли, иными словами, боль явилась причиной того, что возник сам вопрос о причине боли. Таким образом, первичным становится правый термин – ранее описываясь через понятие следствия, он начинает пониматься как причина. Деконструкция опрокидывает привычную иерархию оппозиции «причина/следствие», разрушает ее.

Исходя из переопределения «письма», Деррида осуществил деконструкцию оппозиции «речь/письмо», призванную показать, что в действительности первично письмо, а речь является формой письма. По мнению Деррида, для западной философской традиции в принципе характерно предоставление привилегий устной речи и «угнетение» письма, на чем, в частности, и фундируется логоцентризм.

Еще одна деконструктивистская стратегия состоит в поиске некоторых ключевых слов в тексте, которые выдают некую игру. Некоторые ключевые слова входят в оппозиции и в пределах определенного контекста эти оппозиции и разрушают. В статье «Двойная наука» Деррида рассматривает слово «гимен», которое, с одной стороны, связано с представлениями о девственности и, с другой стороны, обозначает узы Гименея. Гимен как девственность существует, когда не существует гимена как брачного союза. Гимен как девственность не существует, когда существует гимен как брак. Таким образом, по Деррида, гимен есть в равной степени различие и уничтожение этого различия. «Гимен», согласно Деррида, есть уничтожение «различия между различием и не-различием».

Посредством этого примера у Деррида, таким образом, «подвергается деконструкции идея тождества Гегеля: тождество между различием и не-различием оказывается неотличимым от тождества (по Гегелю) между тождеством и не-тождеством. Немыслимо ответить на вопрос: является ли или нет различие и диалектическое тождество одним и тем же. Различие и тождество равно переходят друг в друга, оборачиваются друг другом. Подобная языковая игра бесконечна: в ней, по словам Деррида, проигравший выигрывает, а одержавший победу терпит поражение» [Грицанов 2002: 223].

Примеры деконструктивистских стратегий наглядно демонстрируют, что суть деконструкции, по мысли Деррида, заключается не в традиционном переходе от одного к другому, а, скорее, в переворачивании концептуального порядка классических оппозиций.

Список литературы

Бодрийяр Ж. Соблазн. – М.: Ad Marginem, 2000. – 318 с.

Гараджа А. В. После времени. Французские философы постсовременности // Иностранная литература. – 1994. - № 1. – С. 54-56.

Грицанов А. А. Деррида // Всемирная энциклопедия: философия XX век. – М.: АСТ, 2002. – С. 221-223.

Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. – 1992. - № 4. – С. 53-57.

Сёрль Дж. Р. Перевернутое слово // Вопросы философии. – 1992. - № 4. – С. 58-69.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СЕМАНТИКЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ МАСОК ТАШТЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Корнеева Ю. С.

Хакасский государственный университет

На территории Хакасско-Минусинской котловины более чем две тысячи лет назад произошли серьезные изменения в этническом составе населения этого региона. В связи с появлением в Центральной Азии могу-